ада» Вольтера — «уродливая рапсодия» — холодная в стихах декламация».[36] Французскую литературу О. Сомов отделяет от античной как подражательную от оригинальной, народной, при этом указывает на сословную ограниченность французской подражательной поэзии.[37] Кюхельбекер, разграничивая тоже романтическую и классическую поэзию позднейших европейцев, считает, что родоначальниками последней более были римляне, нежели греки. В этой поэзии больше стихотворцев, чем поэтов, нужно отличать «роскошного, громкого Пиндара» от прозаического стихотворца Горация, «исполина между исполинами» Гомера от ученика его Вергилия. Истинные поэты Расин, Корнель, Мольер против воли должны были подчиниться правилам, принятым в литературной среде того времени. «Под именем вкуса, Аристотеля, природы» поклонялись в этой среде жеманству, приличию, посредственности.[38] Любопытный вариант дает Рылеев: подражание французских классиков в том случае, если сюжет взят из античности, «заменяло изучение духа времени, просвещения века, гражданственности и местности страны того события, которое поэт желал представить в своем сочинении».[39] Рылеев считает превосходными античные трагедии Корнеля, Расина и Вольтера. Пушкин признает «истинный гений» Корнеля, «великую народность» трагедий Расина, но в целом французскую поэзию, подчиненную «корану» Буало, называет «лжеклассической», рожденной в «передней» монархов и аристократов.[40]

Интересно заметить одну особенность: общее строгое суждение о классицизме и подражательности новой литературы не распространялось на произведения низких жанров, сатирические, шутливые. Здесь «новые» равны «древним», а иногда их превосходят. Таким образом, выделена та линия во всей европейской литературе нового времени и некоторые произведения низших жанров классицизма (комедия, сатира, комическая поэма, басня), где литература ближе всего соприкасалась с низкой действительностью. Особенно часто в число «помилованных» попадали Мольер и Лафонтен, причем Лафонтену отдавалось предпочтение. Приведем примеры.

У «новых» есть над «древними» «малые победы» — «мелочный род»: Грессе и др. («Новые замечания на старый спор о древних и новых писателях»).[41] Мольер лучше Аристофана, Плавта; Свифт, Лесаж, Сервантес лучше Лукиана. Феокрит хуже Лабрюйера («Рассуждения Вартона»).[42] Муравьев-Апостол выделяет Лафонтена как единственного неподражаемого поэта, несмотря на то

---

[36] Сын Отечества, 1813, № 44, с. 226.
[37] *Сомов О.* О романтической поэзии, с. 13.
[38] Декабристы. М.; Л., 1951, с. 552.
[39] Там же, с. 557.
[40] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 38.
[41] *Северный вестник, СПб., 1804, ч. III, № 8, с. 140.*
[42] Вестник Европы, 1805, ч. XIX, февраль, № 3, с. 187.